

КУЛЬТУРА

ГОЛОВАНЕВА Татьяна Александровна

канд филол. наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

Электронная почта: gta-77@mail.ru

Функции бубна в культуре камчатских коряков XX – начала XXI вв.

УДК 398(=551.3):623.444 doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/95-102

В статье представлен анализ изменений функций бубна в корякской культуре на протяжении XX в. В начале XX в. игра на бубне была неотъемлемой частью сакральных ритуалов. Борьба с шаманизмом привела к периоду вынужденного забвения бубна на Камчатке. Бубен был легализован как музыкальный инструмент в 1960-е гг., в период сценического возрождения национальной хореографической культуры. К началу XXI в. функции бубна оказались полностью десакрализованы, однако популярность бубна как музыкального инструмента сделала его символом этнической культуры Камчатки.

Камчатские коряки, обычаи и обряды, музыкальная культура, бубен, сущность и функции

В настоящее время на Камчатке национальные ансамбли песни и танца пользуются большой популярностью. Развитие этнотуризма, искренний интерес гостей и жителей полуострова к камчатской экзотике поддерживают сценическое исполнение корякских мелодий и танцев. Под звуки бубна на сцене звучат корякские родовые мелодии, их исполняют не только люди старшего и среднего возраста, но и молодёжь.

В начале XX в. в среде кочевых и оседлых коряков магическая функция бубна была доминирующей. Человека, играющего на бубне, по-корякски называли *ауауылг'ын*. В корякско-русском словаре дан только один перевод данной лексемы: 'шаман' [10, с. 12]. Исследователь корякского языка С. Н. Стебницкий, анализируя этимологию данного слова, определил значение производной основы *ауау* как 'верховное существо': «В алюторском, карагинском и паланском диалектах для обозначения верховного существа употреблялся термин *ан'ан'*, от основы которого производятся слова: *ан'ан'йак* 'поманить', 'петь'; *ан'ан'ыльын* 'шаман', которое этимологизируется как 'причастный верховному существу» [15, с. 182; в цитатах написание корякских слов соответствует принятым в источниках]. В близкородственной чукотской культуре человек с бубном также воспринимался как посредник между миром людей и миром духов. По-чукотски шаман – *эн'эн'ыльын* [23, с. 157]. В. Г. Тан-Богораз отмечал многозначность чукотского слова *эн'эн'* – дух, прилетающий на зов шамана, поэтому «шаман называется *еҕеҕыльн* ('имеющий духов'). Слово *еҕеҕ* означает также всякого рода лечебные средства, включая порошки, пилюли, получаемые от врачей.

Для цитирования:
Голованева Т. А. Функции бубна в культуре камчатских коряков XX – начала XXI вв. // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 95–102. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/95-102

Христианский бог тоже называется *ejeje*, также кресты, иконы и проч.» [5, с. 18, 19]. В чукотско-русском словаре 1957 г. слово *эн'эн'* представлено, но не переведено, значение лексемы объясняется через отсылку к слову *инэнмэлевичгын* 'лекарство' [23, с. 43].

В начале XX в. игра на бубне в корякской культуре была неотделима от сакральных ритуалов и шаманской практики, в том числе и целительской. Шведский путешественник Стен Бергман во время камчатской экспедиции 1920–1922 гг. отметил непоколебимую веру коряков в магические функции бубна: «Коряки являются язычниками. Они верят в хороших и плохих духов и являются приверженцами шаманизма, т. е. искусства с помощью духов изменять ход событий. Для этого самым важным их инструментом является магический барабан. Таковой имеется в каждой юрте. Во время праздника, или когда предстоит лечить больного, или когда должно произойти событие, имеющее важное значение, надевают шаманскую одежду и начинают бить в этот барабан, чтобы вызвать духов» [4, с. 139]. С. Н. Стебницкий, приехав в 1927 г. работать учителем в корякский посёлок Кичига, поражался тому, насколько у коряков была сильна вера в потусторонних существ. Никакие рациональные объяснения приезжего учителя не могли переубедить его учеников, которые «своими глазами» видели злых духов. В ответ на сомнения учителя ребята приводили неопровержимые доводы: «Ты не знаешь! Ты только что приехал, как ты можешь знать, что у нас есть? Может быть, у вас, у русских, нет нинвитов (злых духов – *Т. Г.*), а у нас есть. Это правда. Спроси, у кого хочешь. А я и сам видел...» [16, с. 51].

Общение с духами происходило в процессе шаманского ритуала, который сопровождался звучанием бубна. В конце 1920-х гг. музыковед В. Стешенко-Куфтина, занимаясь изучением музыкальных традиций дальневосточных народов, провела ряд полевых исследований, в том числе и среди коряков. Она отметила важную роль звучания бубна для достижения особого психологического состояния: «Всякий раз шаман начинает свое действие с полузакрытыми глазами, глубоко погруженный вниманием в чуть слышный гул бубна <...>. Мерно отбиваемый ритм собирает и сосредотачивает окружающих. <...> Учащенный грохот бубна и звон погрешушек шаманского облачения создают жуткий фон для исступленного пения в процессе проведения магического ритуала» [17, с. 100–102]. Проведение ритуала шаманского камлания требовало соблюдения определенных предписаний. С. Н. Стебницкий в 1927 г., будучи свидетелем корякских ритуальных танцев под звуки бубна, отметил необходимость полной темноты для совершения ритуального действия: «Вечером начинается шаманство. Тушатся все огни в яранге, тщательно затыкают морской травой дымовую дыру и подтыкают входную шкуру. <...> На середину выходит кто-нибудь с бубном, начинается пляска» [15, с. 57]. В традиционной чукотско-корякской культуре ритмы бубна объединяли мир людей, животных, потусторонних существ. Шаманы, отвечая на вопросы В. Г. Тана-Богораза о том, как выглядят прилетающие на зов бубна духи, сравнивали их со зверями: «Шаманские “духи” – маленькие, они боятся незнакомых вещей и вообще всего окружающего. Они бездомны, живут по-звериному. <...> Прилетают они только в темноте» [5, с. 19]. Коряки были убеждены, что звучание бубна нравилось животным, поэтому во время совершения обрядовых празд-

неств играли на бубне для убитого кита [20, с. 23], нерпы [7, с. 136; 2, с. 39], тюленей [20, с. 24; 7, с. 137], росомахи [20, с. 47], также считалось, что звук бубна успокаивал важенок [7, с. 139], «веселил оленят» [20, с. 27].

Обучение игре на бубне предполагало не столько освоение техники игры, сколько достижение шаманского вдохновения [5, с. 113; 15, с. 190]. При этом бубен служил не только ударным инструментом, задающим ритм и создающим особый звуковой фон, но и резонатором голоса. В. Г. Тан-Богораз подробно описал своё восприятие голоса чукотской шаманки в момент совершения ею ритуала общения с духами: «Тылювия пользовалась бубном как резонатором, то держа его перед самым ртом, то отводя его вверх и вниз отклоняя под самыми различными углами. <...> Благодаря акустическим свойствам полога звук голоса Тылювии совершенно утратил локализацию, и мы перестали его связывать с тем определённым местом на левой стороне, где сидела шаманка» [19, с. 520]. Несмотря на то, что конструкция корякского бубна не предполагала наличия резонаторных щелей [21, с. 113], камлающим удавалось создать иллюзию удаления/приближения звука. Подобные впечатления от звука шаманского голоса в сочетании с бубном испытал на себе С. Н. Стебницкий [15, с. 57].

Борьба с шаманами началась в царское время. Служители христианской церкви считали своим долгом искоренять проявления традиционной веры у туземных народов: «Миссионеры имели формальное право лишать шаманов их профессии, отбирать у них все принадлежности культа и обязывать их подпиской о “добровольном желании” прекратить навсегда шаманство» [18, с. 129]. Местные жители камчатских посёлков сожалели: «из-за попов много хороших людей пропало. Поп как услышит, что в бубен бьют, сейчас же явится и начнёт ругать. А когда шаман поёт или даже простой человек начинает шаманить, его надо оставить в покое. Если в то время войдешь и скажешь “Мэй!” (“Здравствуй!”), человек может сразу упасть мёртвым» [15, с. 203]. После установления советской власти, к началу 1930-х гг., борьба с традиционными верованиями и шаманизмом стала бескомпромиссной: шаманы воспринимались как пособники старого режима. В программной статье И. М. Сулова «Шаманство и борьба с ним» (1931 г. изд.) выражена официальная позиция власти по отношению к феномену шаманизма: «Верным союзником туземного кулачества и родовой знати являются шаманы, защищающие их интересы. <...> Поэтому борьба с шаманством должна стать одним из участков классовой борьбы на Севере» [18, с. 90]. Семейный шаманизм, хотя и отделялся от профессионального, в той же степени считался недопустимым: «Известный семейный шаманизм у оленных чукок, когда старший в семье исполняет шаманские религиозные обряды, не может относиться, конечно, к категории профессионального шаманства; но мы несколько не сомневаемся в том, что в числе “семейных” шаманов существуют такие, которые извлекают различные материальные выгоды как для себя, так и для кулацкого эксплуататорского класса» [18 с. 90, 100; сохранена орфография источника – Г. Т.]. Такая категоричная трактовка могла поставить под подозрение в шаманизме любого взявшего в руки бубен. В ходе борьбы с шаманизмом планировалось «вытеснить окончательно шаманский бубен» [18, с. 151]. По замыслу агитаторов, борьба с шаманизмом должна была

вестись изнутри. В стране был создан «Союз воинствующих безбожников СССР», который, помимо прочего, призывал национальную молодёжь вести непримиримую борьбу с традиционными верованиями: «В отношении шаманов <...> будущие северные ячейки союза воинствующих безбожников должны поставить себе задачей, беспощадно разоблачать их антисоветскую контрреволюционную работу, которую они ведут, прикрываясь шаманством и опираясь на него, и тем самым помочь советской власти поступить с ними, как с врагами революции» [18, с. 136]. Агитаторская работа просветителей имела успех у молодежи. Борьба с шаманизмом отразилась в песне камчатских курсантов совпартшколы 1932 г. села Каменское: «На мелодию боевой “Варшавянки” был сложен корякский текст: *Колхозы у нас образовались / Наша жизнь по-новому идёт. / Всех кулаков сбросили, / Шаманов всех выгоним*» [22, с. 110]. Гул бубна невозможно скрыть, поэтому он сразу привлекал к себе внимание политически активных граждан, настроенных на искоренение классовых врагов. Каждый, кто с помощью бубна начинал ритуал общения с духами, мгновенно обнаруживал себя, поэтому 1930-е гг. – это время вынужденного забвения бубна. Репрессивная политика оборвала традицию шаманских камланий среди коряков. По наблюдениям И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова, к началу 1960-х гг. шаманская практика среди коряков уже не являлась распространённым явлением: «Отмирает шаманство, и забываются связанные с ним примитивные представления о злых духах и возможности их умилоствления. <...> Следует отметить, что бубен превратился за последние десятилетия у коряков в музыкальный инструмент» [6, с. 172, 294]. К началу 1960-х гг. происходит десакрализация функциональной роли бубна не только в корякской культуре. В историко-этнографическом атласе Сибири (1961 г. изд.) в статье «Шаманские бубны» Е. Д. Прокофьева подчёркивает, что к середине XX в. «Шаманство исчезает, а с ним и все его атрибуты. Бубен кое-где сохранился как музыкальный инструмент» [14, с. 435].

В начале 1950-х гг. бубен ещё не воспринимался как собственно музыкальный инструмент. Корякская журналистка Екатерина Ивановна Дедык, уроженка с. Воямполка Тигильского района, 1932 г. р., получившая образование в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (1950–1958), в нашей беседе вспоминала, что в знаменитом ансамбле Т. Ф. Петровой-Бытовой «Северное сияние» корякские национальные танцы исполнялись без инструментального аккомпанемента: «Я начала танцевать в ансамбле «Северное сияние» в 8-м классе. Это 1950 й год. Бубнов никаких не было. Ну, напевали так, пели и просто так танцевали. Напевали мелодии наших бабушек. Каждый, кто мог, начал вспоминать. Бубен тогда был запрещённый инструмент. Потом, когда я уже приехала из Ленинграда обратно в Палану в 1958-м году понемножку начали приносить бубны на самодеятельные выступления. Вот кто-нибудь приезжает из района со своим бубном маленьким. Очень так потихонечку. Не очень много. Но бубен уже зазвучал». (Зап. автором 7 мая 2006 г. в пос. Палана Тигильского р-на Камчатского края.)

В середине 1960-х гг. в СССР одним из приоритетных направлений организации досуга населения становится поддержка национального искусства. Всесоюзные конкурсы самодеятельности вывели самобытную национальную культуру на сцену. В статье камчатско-

го балетмейстера Г. Подкаменной отмечено, что «Областной смотр сельской художественной самодеятельности, проходивший в рамках Всесоюзного в 1964 г., охватил все районы области» [12, с. 43]. Многоуровневые конкурсы творческих коллективов способствовали появлению большого количества национальных ансамблей, о чём со ссылкой на номера газеты «Корякский коммунист» от 31 мая и 12 июля 1967 г. пишет В. В. Антропова: «Развитию сельской художественной самодеятельности немало содействуют ежегодные смотры. В 1967 г. в районных смотрах Корякского национального округа приняло участие 1453, в областном – 274, в зональном (в г. Хабаровске) – 87 человек» [1, с. 210]. Возрождение национальных традиций в сценическом исполнении связано также и с появлением местных специалистов в сфере культуры. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на Камчатку возвращаются молодые люди коренных национальностей, получившие образование в крупных городах СССР, – первая местная интеллигенция Камчатки. Их выступления в составе агитационных бригад пользовались у коренного населения большой популярностью. Камчатские поэты В. Косыгин и Г. Поротов, объехавшие многие посёлки полуострова, с гордостью писали, что: «вся программа концерта агитбригады была построена на местном материале. Это песни и сказки Камчатки, пляски и мелодии старины, новые современные песни, стихи о людях тундры» [22, с. 44]. Бубен открыто звучал среди бела дня на передвижных сценах агитбригад, сельских и районных ДК. Помимо слова *ауауылг'ын*, которым коряки определяли человека играющего на бубне, востребованным становится слово *яйытколг'ын* 'бьющий в бубен' [10, с. 114], производное от *яйй* 'бубен'. В значении лексемы *яйытколг'ын* нет отсылки к потустороннему существу, первоначальному адресату призывов бубна. Внимание перемещается непосредственно на сам инструмент. Под его аккомпанемент начинают исполнять национальные танцы, уже не связанные с шаманской практикой или промысловыми обрядами. Артисты знаменитого корякского ансамбля «Мэнго» (под рук. А. В. Гиля с 1965 по 1987 гг.) вынесли корякский бубен на сцены Западной Европы. Один из номеров ансамбля так и назывался «Камлание (танец шамана)» [8]. По полевым наблюдениям музыковеда Ю. И. Шейкина (экспедиция 1989 г.), именно под влиянием ансамбля «Мэнго», состав которого был смешанным (ительмено-корякским), бубен как музыкальный инструмент становится популярным среди ительменов. К концу 1980-х гг. бубен у ительменов «приобрёл значение эталонирующего инструмента и сменил традиционные инструменты – погремушку и трещотку» [24, с. 75].

Бубен активно начинают использовать во время традиционных корякских праздников, воссозданных в новых условиях. Особенности проведения корякских промысловых обрядов в советское время отражены в работах этнографа В. Н. Малюковича, по наблюдению которого песни и танцы под звуки бубна, хотя и изменили свои первоначальные ритуальные функции, тем не менее остались обязательным элементом корякских национальных праздников [11, с. 16, 19, 21]. С 2006 г. сотрудники Камчатского центра народного творчества регулярно выпускают методические рекомендации и сценарии проведения обрядовых праздников коренных народов Камчатки, где аккомпанемент бубна представлен как обязательный элемент пред-

ставления [3, с. 14; 9, с. 14; 13, с. 29]. (Брошюры адресованы работникам районных ДК Камчатского края.)

В традиционной культуре коряков звучание бубна предвещало встречу с духами. Общение с ними при помощи бубна совершалось в темноте и представляло собой сакральное действо. В период с 1930-х по 1960-е гг. произошла кардинальная смена функций шаманского атрибута. В 1960-е гг. выступления национальных ансамблей под аккомпанемент бубна становятся распространённым явлением на полуострове, в результате бубен начинает восприниматься как музыкальный инструмент, не связанный с семейным шаманизмом и обрядовой практикой коряков. В начале XXI в. в условиях утраты корякского языка и национального повествовательного фольклора музыкально-хореографическое искусство позволяет потомкам аборигенных этносов Камчатки выразить этническую идентичность, поэтому бубен приобретает всё большую популярность. Выступления национальных коллективов пользуются успехом у многочисленных туристов полуострова, в итоге бубен становится не только музыкальным инструментом, но и символом этнической культуры коренных народов Камчатки.

Литература

1. Антропова В. В. Культура и быт коряков. – Л.: Наука, 1971. 216 с.
2. Беккерова Н. Родники памяти // Корякское ожерелье. Сборник статей. Фольклор. Статистика. – М.; Палана: Мосгорпечать, 1990. С. 37–43.
3. Беяева М. Е. Праздник «День оленевода» // Этнографический сборник: методические рекомендации и сценарий / сост. Н. А. Воробьёва. – Нижний Новгород: ИП Кузнецов, 2015. С. 11–18.
4. Бергман С. По дикой Камчатке / пер. с эсперанто А. Натинь. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2000. 166 с.
5. Богораз В. Г. Чукчи: Религия / под ред. Ю. П. Францова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 208 с.
6. Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ: Очерки географии, истории, этнографии, экономики / под ред. С. В. Славина. – М.: АН СССР, 1960. 304 с.
7. История и культура коряков / под ред. А. И. Крушанова. – СПб.: Наука, 1993. С. 135–144.
8. Кравченко В. Танцы вечности [Электронный ресурс] // Северная пачифика. Региональный информационный дайджест: экономика, экология, история, культура. URL: <http://www.npacific.kamchatka.ru> (дата обращения 10.08.18).
9. Новак Н. А., Беяева М. Е. Корякский обрядовый праздник «День первой рыбы»: этнографический сборник: методические рекомендации и сценарий. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2013. 28 с.
10. Корякско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, под ред. И. С. Вдовина. – Л.: Учпедгиз, 1960. 238 с.
11. Малюкович В. Н. Ленаты счастья: Корякские праздники. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1974. 56 с.
12. Подкаменная Г. В. Стихи танца // Я к творчеству душою прикоснусь... К 40-летию Камчатского центра народного творчества / сост. Л. Мельникова. – Петропавловск-Камчатский: СЭТО-СТ, 1997. С. 42–50.
13. Праздники и обряды коренных народов Камчатки / сост. З. Басунова. – Петропавловск-Камчатский: КЦНТ, 2009. 54 с.
14. Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. – М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 435–492.
15. Стебницкий С. Н. Очерки этногра-

- фии коряков. – СПб.: Наука, 2000. 236 с.
16. Стебницкий С. Н. У коряков на Камчатке. – М.: Крестьянская газета, 1931. 60 с.
17. Стешенко-Куфтина В. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов // Этнография. 1930. № 3. С. 81–108.
18. Суслов И. М. Шаманство и борьба с ним // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 89–152.
19. Тан-Богораз В. Г. На реке Росомашьей // Тан-Богораз В. Г. Восемь племён. Воскрешёе племя: Романы, рассказы / сост. Е. А. Куклина. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. С. 471–527.
20. Фольклорное наследие В. Н. Малуковича. Обрядовые праздники коряков: фольклорно-этнографический сборник / сост. М. Е. Беляева. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2016. 68 с.
21. Хаховская Л. Н. Корякские бубны: классификация и конструкция // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2015. № 4. С. 112–119.
22. «...Хочу в мифическую летопись вписать камчатскую строку!» (к 85-летию со дня рождения Г. Г. Поротова): фольклорно-этнографический сборник / сост. М. Е. Беляева, А. А. Гончарова. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2014. 184 с.
23. Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; под ред. П. Я. Скорика. – Л.: Учпедгиз, 1957. 197 с.
24. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. – М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Tat'yana A. GOLOVANEVA

Ph. D. (in Philology), Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).
E-mail: gta-77@mail.ru

Tambourine Functions in Kamchatka's Koryak Culture in the 20th – Beginning of the 21st Centuries

UDC 398(=551.3):623.444 doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/95-102

The article presents the analysis of the change in tambourine functions in the culture of Kamchatka's Koryaks during the 20th century. At the beginning of the 20th century the tambourine playing was an integral part of sacral and shaman rituals in the traditional Koryak culture. The fight against shamans started in the imperial time, and it became even more intensified with the Soviet Union. The decade 1930–1940 was the time of the tambourine's forced oblivion in Kamchatka. At the beginning of the 1950s the tambourine was not considered a musical instrument yet. It was legalized as a musical instrument only in the 1960s during the stage revival of the national choreographic culture. Existence on stage was one of the natural steps in the traditional culture development. In the second half of the 20th century the functions of tambourine were desacralized (not connected with shaman's practices). At the beginning of the 21st century tambourine functions as a shaman instrument were completely lost, yet tambourine's popularity as a musical instrument made it a symbol of Kamchatka's ethnic culture.

Kamchatka's Koryaks, customs and rituals, music culture, tambourine, essence and functions

For citation: Golovanova T. A. Tambourine functions in Kamchatka's Koryak culture in the 20th – beginning of the 21st centuries // Oriental Institute Journal. 2018. № 3. P. 95–102. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/95-102

References

1. Antropova V. V. Kul'tura i byt Koryakov. – L.: Nauka, 1971. 216 s.
2. Bekkerova N. Rodniki pamyati // Koryakskoe ozherele. Sbornik statej. Fol'klor. Statistika. – M.; Palana: Mosgorpechat', 1990. S. 37–43.
3. Belyaeva M. E. Prazdnik «Den' olenevoda» // EHtnograficheskij sbornik: metodicheskie rekomendatsii i stsenarij / sost. N. A. Vorob'yova. – Nizhnij Novgorod: IP Kuznetsov, 2015. S. 11–18.
4. Bergman S. Po dikoj Kamchatke / per. s ehsperranto A. Natin'. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij pechatnyj dvor, 2000. 166 s.
5. Bogoraz V. G. CHukchi: Religiya / pod red. YU. P. Frantsova. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 208 s.
6. Gurvich I. S., Kuzakov K. G. Koryakskij natsional'nyj okrug: Oчерki geografii, istorii, ehtnografii, ehkonomiki / pod red. S. V. Slavina. – M.: AN SSSR, 1960. 304 s.
7. Istoriya i kul'tura Koryakov / pod red. A. I. Krushanova. – SPb.: Nauka, 1993. S. 135–144.
8. Kravchenko V. Tantsy vechnosti [EHlektronnyj resurs] // Severnaya patsifika. Regional'nyj informatsionnyj dajdzhest: ehkonomika, ehkologiya, istoriya, kul'tura. URL: <http://www.npacific.kamchatka.ru> (data obrashheniya 10.08.18).
9. Novak N. A., Belyaeva M. E. Koryakskij obryadovyj prazdnik «Den' pervoj ryby»: ehtnograficheskij sbornik: metodicheskie rekomendatsii i stsenarij. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatpress, 2013. 28 s.
10. Koryaksko-russkij slovar' / sost. T. A. Moll, pod red. I. S. Vdovina. – L.: Uchpedgiz, 1960. 238 s.
11. Malyukovich V. N. Lenaty schast'ya: Koryakskie prazdniki. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1974. 56 s.
12. Podkamennaya G. V stikhii tantsa // YA k tvorchestvu dushoyu prikosnus'... K 40-letiyu Kamchatskogo tsentra narodnogo tvorchestva / sost. L. Mel'nikova. – Petropavlovsk-Kamchatskij: SEHTO-ST, 1997. S. 42–50.
13. Prazdniki i obryady korennykh narodov Kamchatki / sost. Z. Basunova. – Petropavlovsk-Kamchatskij: KTSNT, 2009. 54 s.
14. Prokof'eva E. D. SHamanskije bubny // Istoriko-ehtnograficheskij atlas Sibiri / pod red. M. G. Levina i L. P. Potapova. – M.; L.: AN SSR, 1961. S. 435–492.
15. Stebnitskij S. N. Oчерki ehtnografii Koryakov. – SPb.: Nauka, 2000. 236 s.
16. Stebnitskij S. N. U Koryakov na Kamchatke. – M.: Krest'yanskaya gazeta, 1931. 60 s.
17. Steshenko-Kuftina V. EHlementy muzykal'noj kul'tury paleoaziatov i tungusov // EHtnografiya. 1930. № 3. S. 81–108.
18. Suslov I. M. SHamanstvo i bor'ba s nim // Sovetskij Sever. 1931. № 3–4. S. 89–152.
19. Tan-Bogoraz V. G. Na reke Rosomash'ej // Tan-Bogoraz V. G. Vosem' plemyon. Voskresshee plemya: Romany, rasskazy / sost. E. A. Kuklina. – Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1987. S. 471–527.
20. Fol'klornoe nasledie V. N. Malyukovicha. Obryadovye prazdniki Koryakov: fol'klorno-ehtnograficheskij sbornik / sost. M. E. Belyaeva. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatpress, 2016. 68 s.
21. KHakhovskaya L. N. Koryakskie bubny: klassifikatsiya i konstruktsiya // Vestnik SVNTS DVO RAN. 2015. № 4. S. 112–119.
22. «...KHochu v mificheskuyu letopis' vpisat' kamchatskuyu stroku!» (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya G. G. Porotova): fol'klorno-ehtnograficheskij sbornik / sost. M. E. Belyaeva, A. A. Goncharova. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatpress, 2014. 184 s.
23. CHukotsko-russkij slovar' / sost. T. A. Moll, P. I. Inehnljehj; pod red. P. YA. Skorika. – L.: Uchpedgiz, 1957. 197 s.
24. SHEjkin YU. I. Istoriya muzykal'noj kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. – M.: Vost. lit., 2002. 718 s.